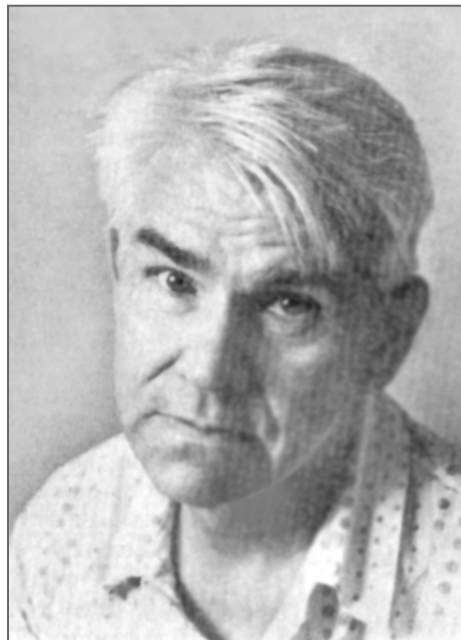

Юрий Макаров
1932–2003

из рукописи
неопубликованных
СТИХОВ

* * *

Небо застенчиво прячет бездонную
и бесконечную даль.
И говорит нам, что мы не бездомные
и ни к чему нам, живущим, печаль.

Есть у нас всё – одоление разлуки,
радость цветенья, усталость и грусть,
сердце горячее, добрые руки
и половодье магических чувств.

Чудо любить и выдумывать сказки,
до смерти детство своё не терять,
душу загробным пугать для остротки,
правду беречь и глупцов избегать.

* * *

Небушко спокойное, облака лежат...
Как они похожи на белых медвежат!

Месяц между ними бродит на авось –
то приляжет с ними, то гуляет врозь.

Звёзды в темень воткнуты, словно огоньки
городка далёкого у большой реки.

Сказкой непридуманной это всё живёт,
чтоб не был угрюмым на земле народ.

* * *

Гром загремит, загромыхает,
как старый сломанный трамвай,
и зашумит, и заиграет
душистый ливень за окном.

И зацветут парные лужи,
и солнце выползет, как спрут,
и ты овейя и остужен,
и в сердце радуги растут.

И ты несёшь в душе полмира,
и благодарна благодать
за то, что в тишине унылой
дано громами громыхать.

* * *

Распались звёзды, словно фейерверк
и, вдруг застыв, остановились,
и бал Вселенной не померк,
и дали дальние открылись.

Пришла боярыня-луна,
и вся округа засветилась...
Она была обнажена
и никуда не торопилась.

И заструив прозрачный шёлк,
что не спеша с себя снимала,
ждала, но кто-то не пришёл –
и ты опять одна осталась.

* * *

Покой и порядок царят в небесах,
и вечер... Но это не старость,
а в нас прозябают надежда и страх,
но жизнь – это чистая радость.

Мы счастье из чёрного горя берём,
как золото из породы,
и в сердце, как свет, на ветру бережём...

.....

* * *

Ручей из дома убежал –
теперь не уберечь...
Жил меж камней и по кустам
Не уставал он течь.

Смеясь вначале, песни пел,
ночами невпопад
луну лизал, рыбёшек ел,
рыл русло наугад.

Но от судьбины не уйдёшь,
как круто ни виляй,
степенных рек не обойдёшь...
Ну а пока – валяй!

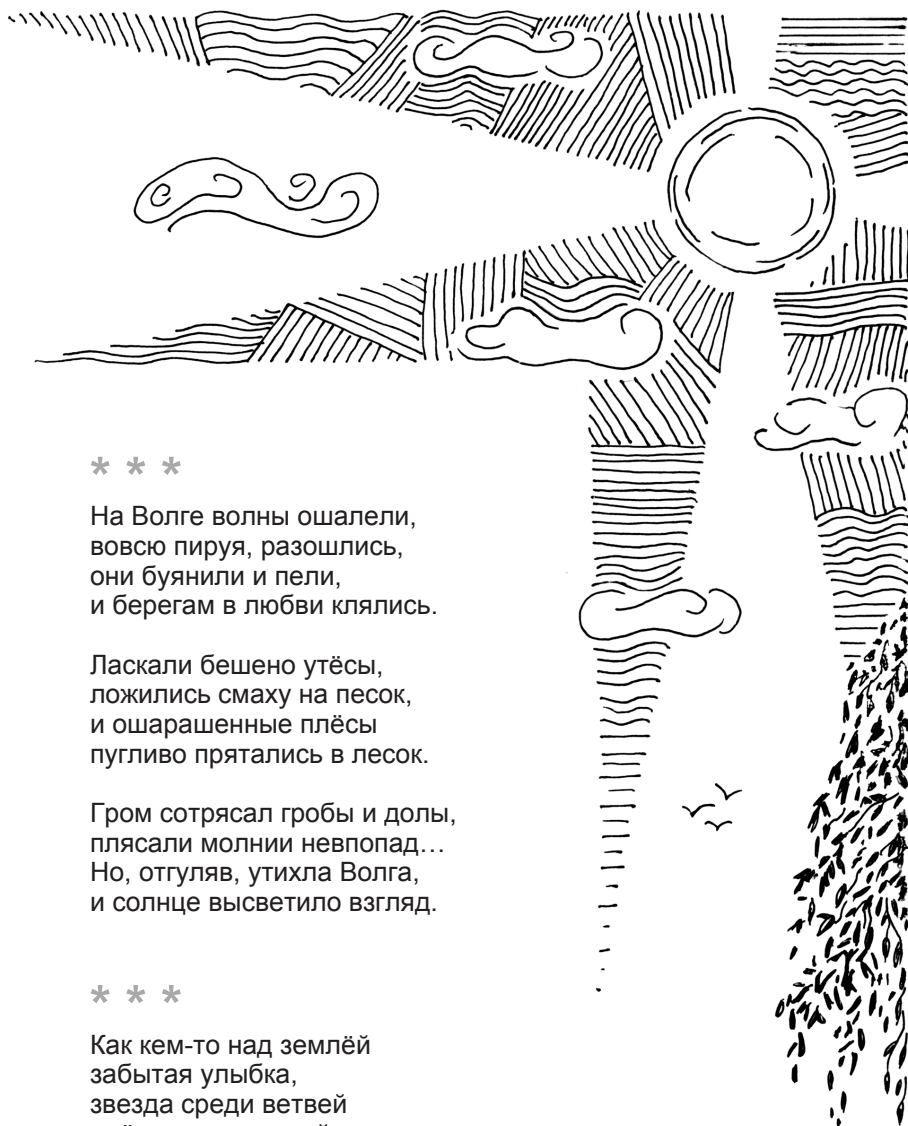
Скользи на радость пацанам,
жги омуты костром,
когда заря приходит к нам,
играя новым днём.

Нырять в тени тальника
и прячешься в корнях,
во всём валяя дурака,
пока стезя вольна.

* * *

Ты говоришь: правдивым будь и честным,
как перед Богом в храме, у икон,
тебе во мне не правда интересна,
а тайна, где есть в крепости пролом.

Тебе б конём троянским дружбу
в ворота сердца закатить...
Я одинок, но, милая, не нужно
так вероломно город полонить.

* * *

На Волге волны ошалели,
вовсю пируя, разошлись,
они буянили и пели,
и берегам в любви клялись.

Ласкали бешено утёсы,
ложились смаху на песок,
и ошарашенные плёсы
пулгииво прятались в лесок.

Гром сотрясал гробы и доли,
плясали молнии невпопад...
Но, отгуляв, утихла Волга,
и солнце высветило взгляд.

* * *

Как кем-то над землёй
забытая улыбка,
звезда среди ветвей
идёт опять со мной,
как память о былой,
печальной были зыбкой,
о призрачной любви,
о радости земной.
Я знаю, как грустна
свирель воспоминаний,
как свет далёких лет
поёт в струне слезы.
Былое, утони
в весенней этой рани
и в зорях погаси
лукавый блеск звезды.

* * *

Ёлки в платьях подвенечных
по сугробам разбрелись,
звёзды прячут бесконечность,
развлекая нашу жизнь.

Спит постылая дорога,
ни куста, ни огонька,
лишь величественно-строго
лунный свет летит в снега.

Голубым песцом с отливом
в роще нежится сугроб,
быть бы мне таким счастливым
среди ёлок и дорог.

* * *

Поэт поэта не убьёт,
поэт поэта не ударит,
вот бездарь злобой изойдёт
и тихой завистью ошпарит.

Какие тягостные ночи
над нами кружат иногда,
и словно это ворон хочет
всю душу выклевать дотла.

И как спасенья ждёшь рассвета,
когда щит солнца золотой
тебя накроет, как приветом,
и исцелит водой живой.

* * *

И вот опять зима настала,
снежок разгуливает всласть,
и словно бы меня не стало,
и дверь закрыта, словно пасть.

А я, проглоченный квартирой,
в её покоюсь животе,
и никакой нечистой силой
не вгонит этих или тех,

которым был я нежно нужен
за рюмкой дружеских бесед.
Снег за окном...

Весь мир контужен,
и каждый тьма себе и свет.

* * *

Тоска по чему-то
и скука навзрыд,
и я никому-то
не нужен, как стыд.

* * *

Как надзиратель, как конвой,
за мной идут тоска и скука.
Тружусь, но чувствую спиной
свою безрадостную муку.

Ещё строка и всё, конец,
вновь пустота и беспредельность,
как цепь из свадебных колец...
И не уйти
в уют и цельность.

И никогда не одолеть
свою беспомощную старость.
И не хотеть, и не уметь
дожить всё то, что мне осталось.

* * *

Святая ночь...
Луна сошла с ума,
и глубина предельно откровенна,
там, где-то в беспредельности она,
исходит тайной сокровенной.

И в нас оно, как старое вино,
переливаясь, жгуче колобродит –
то бредит у дороги за окном,
то Богом за судьбой у дома ходит.

И мы за ней, покорные, идём,
махнув рукой на глупые разгадки.
Покорные, мы всё чего-то ждём
и молимся Всевышнему украдкой.

А лунный свет, как щедрость всепрощенья,
нам закрывает веки в полусне,
и шепчет: спи, не будет отомщенья –
ты здесь живёшь не по своей вине.

* * *

Мои запои,
как падучая,
всю жизнь преследуют меня.
Я пью от случая до случая,
в огне страстей и без огня.

Башку теряю и надеюсь,
что выживу ещё опять,
пока совсем уж не уверюсь,
что нету мне
дороги вспять.

* * *

Пока нас крылья держат и несут,
живём, о смерти забывая,
но сердце чует высоту,
и высота его пугает.
Но вот паденье на лету –
тоска и скука оживают,
бросая душу в маету.

* * *

Огонь стоит,
как пламя над пожаром,
как сердце бьётся
в ветре вихревом...
Вот так в груди
опустошённо-старой
рождаются,
как вихри, мятежи.

* * *

Я безобиднее цветка,
беззлойней молока и хлеба,
стою один, как перст под небом,
слегка хмельной от ветерка.

Я слишком прост и незатейлив,
и бескорыстен, как вода,
кому я нужен?
Рвать без цели...
На то есть случай и судьба.

* * *

Я иду по ласковому клеверу –
огоньки-ромашки на ветру...
Если в тебя, Господи, поверю я,
то землю эту разлюблю.

* * *

Живу я наугад,
и нет милее лета,
а млечный звездопад
всё льёт и льёт свой свет.
Уютно и легко
под этой звёздной крышей,
и некто правит всем
так ловко и светло.
Ему всё знать дано,
на то он и Всевышний...
А мне что в лоб,
что по лбу – всё одно.
И он приходит к нам,
как ходим мы в кино,
и я играю роль
старинную, былую,
шарманщик и певец,
бродячий музыкант,
я под шатром небес
о многом не взыскую,
я трагик по душе,
но шут в кругу повес.
Летают облака,
как бабочки в капусте, –
их доля нелегка,
и век их невелик,
но, возрождаясь вновь,
становятся искусством,
и красотой сквозь них
проступит Божий лик.

* * *

Нужны литые тормоза
и безотказные колодки,
чтоб не свихнуться от стиха
и не попасть в дурдом от водки.

Особенно когда один,
а поезд по уклону катит.
Вот тут и думай, и суди...
а под откосом тошно станет.

* * *

Закат стоял иконостасом,
где отражался солнца лик,
и день молился перед Спасом,
что он уходит, как возник.

И вечер, вставший на колени,
свой звёздный принимал досуг
и, обнажая даль творенья,
взял свет луны из Божьих рук.

* * *

Луна в пруду цветёт и тает,
и лепестки бросает в рябь,
и так неспешно отцветает,
когда зари светлеет взгляд.

Какая дивная покорность
цвести, рождаясь, отцветать,
и встретив свет другой, спокойно
как дар неведомый принять.

Ахат Мушинский

Пока нас крылья держат и несут

послесловие

КАК-ТО наводил я порядок в своих бумагах и обнаружил две подборки его стихов. Одна, отпечатанная на машинке, в папке с тесёмочками, другая – рукописная, в общей ученической тетрадке.

Почерк в тетради крупный, размашистый, почти без помарок, а над листами в папке потрудились старенькая, известная мне испокон веку пишмашинка «Москва» со сбитыми литерами и пересохшей чернильной лентой. Блёклый текст читается